

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

5. Старобинский Э.Е. Как управлять персоналом. Изд-е 4-е. – М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – 368 с.
6. Каган М.С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа). – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
7. Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI веке: Пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2000. – 272 с.

Romanovskiy O.G. Spirituality and Culture of Communication in the System of Forming the National Humanitarian-technical Elite.

УДК 101

Коробка Г. А.

ЯЗЫК СМЕХА В КОНЦЕПТЕ «БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО»

В статті розглядається концепція З. Фрейда щодо мови сміху й пропонується використувати термін «сміхова комунікація» для мови сміху.

Ключові слова: мова сміху, несвідоме, сміхова комунікація, гумор, жарти.

В статье рассматривается концепция З. Фрейда по отношению к языку смеха и предлагается использовать термин «смеховая коммуникация» для языка смеха.

Ключевые слова: язык смеха, бессознательное, смеховая коммуникация, юмор, шутки.

The article analyzes Z. Freud's conception with respect to the language of laughter. It is offered to use a term «laughter communication» for the language of laughter.

Key word: the language of laughter, unconscious, laughter communication, humour, jokes.

Влияние З. Фрейда на изучение юмора и смеха считается бесспорным. В своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) Фрейд, изучив большинство доступных ему тогда работ (Ф. Т. Фишера, К. Фишера, А. Бергсона, Жана-Поля и др.) о смехе, дает психологическую оценку остроумию, комизму, юмору. В отдельных вопросах толкования комического Фрейд частично соглашается с бергсоновской теорией и выводит собственную формулу смеха. Главный смысл смеха автор видит в «страсти к нелепости», источником комического явления индивидуальные качества субъекта, что и побуждает Фрейда искать понимание комизма в психогенезе или психологический аспект удовольствия от комизма. В этой связи представляется настоящей попыткой рассмотреть взгляды основоположника психоанализа на феномен самого смеха. В какой-то степени это, по-видимому, поможет понять не только отношение Фрейда к смешному, но и объяснить, как тесно язык смеха связан с бессознательным и насколько важна такая связь смеха в его философско-антропологической трактовке.

К термину или понятию бессознательного Фрейд пришёл путем разработки опыта, в котором большую роль играет душевная динамика. Понятие бессознательного Фрейд, таким образом, получил из учения о вытеснении. Вытесненное рассматривалось

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

как типичный пример бессознательного. В итоге получилось двойное бессознательное: скрытое, но способное стать сознательным, и вытесненное, которое само по себе и без дальнейшего не может стать сознательным. Наряду с процессами, которые сознаются весьма живо, ярко и осязательно, нами переживаются также и другие состояния, которые лишь едва заметно отражаются в сознании, и наиболее слабо сознаваемые, которые психоанализ обозначает термином «бессознательное». Они, в сущности, тоже сознательны или «находятся в сознании» и могут стать вполне и ярко сознательными, если только привлечь к ним достаточно внимания. Скрытое бессознательное, являющееся таковым только в описательном, но не в динамическом смысле, Фрейд назвал предсознательным; термин «бессознательное» он применял только к вытесненному динамическому бессознательному. Однако следствия из понимания Фрейдом бессознательного еще более значительны. Он приходит к выводу, что бессознательное не совпадает с вытесненным; остается верным то, что все вытесненное – бессознательно, но не все бессознательное есть вытесненное.

В концепции Фрейда наибольший интерес представляет анализ двойственной природы комического, остроумия и юмора. Остроумие направлено на то, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Осознание этого контраста доставляет смеющемуся удовольствие. К удовольствию от техники остроумия добавляется удовольствие от реализации через смех подсознательных влечений, которые за фасадом остроумия скрываются от культурных цензоров. В результате устранения необходимости подавления подсознательных влечений (агрессивных или сексуальных) происходит экономия психической энергии, составляющая основу подобного удовольствия [3, с. 189].

Бессознательное – это состояние, в котором большую роль играет душевная динамика, оно может стать вполне и ярко сознательным, если только привлечь к нему достаточно внимания. По Фрейду, комическое – один из способов компенсировать постоянную неудовлетворённость человека жизнью. В целом, фрейдовская концепция относит комическое к области предсознательного (скрытое бессознательное), а остроумие – к бессознательному (вытеснённое динамическое). Все анализы, проведенные Фрейдом, указывают на то, что источником комического удовольствия является сравнение двух затрат, которые относятся к предсознательному. «Комический процесс относится скорее к предсознательному» [3, с. 279], и такие процессы, разыгрывающиеся в предсознательном и ускользающие от внимания, с которым связано сознание, Фрейд называет «автоматическими», а процесс сравнения затрат, если он доставляет комическое удовольствие, должен оставаться автоматическим [Там же]. «Остроумие и комизм отличаются, прежде всего, психической локализацией; острота – это, так сказать, содействие комизму, из области бессознательного» [3, с. 264]. Но юмор стоит ближе к комизму, чем к остроумию. Он имеет общую с комизмом психическую локализацию в предсознательном в то время как острота согласно фрейдовскому предположению является компромиссом между бессознательными и предсознательными процессами.

Рассматривая смех как освобождение от накопившейся нервной энергии, Фрейд констатирует, что все смеховые ситуации доставляют удовольствие, т.к. они экономят психическую энергию. Экономия энергии, лежащая в основе подобного удовольствия, образуется от устранения необходимости подавления и торможения агрессивных и половых стремлений, открытое проявление которых осуждается в обществе. Юмор доставляет удовольствие, т.к. он экономит расход чувств, комедия – расход идей, а шутки – торможение. Эта сохранённая энергия выливается в смехе, которая служит своего рода «клапаном безопасности». Итак, для Фрейда психический акт остроты, юмора и комизма – разные переживания. Механизм остроты, по его мнению, во многом

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

совпадает с механизмом сновидений (изображение при помощи противоположности, не прямое изображение, замена мысли намеком, деталью, символикой и т.д.). Шутки, подобно сновидениям, имеют скрытые преимущества: и те, и другие позволяют нам использовать скрытые источники удовольствия и открывают доступ к «бессознательному». Но при всём сходстве остроумия и сновидения у них есть существенные различия, важнейшее из которых заключается в различии их социального статуса, где сновидение асоциально и не может сказать ничего другому человеку, а острота, наоборот, социальный механизм, и направлена на получение удовольствия.

В данном случае он разъясняет, что при создании остроты ход мыслей погружается на один момент в бессознательную сферу и затем внезапно выплывает из бессознательного в виде остроты. Она занимает особое положение и в ассоциативном отношении. Память часто не располагает ими тогда, когда мы хотим их вызвать, но зато иной раз они возникают невольно, что также свидетельствует о происхождении острот из бессознательного. Разделяя понятия «остроумие», «комизм», «юмор», автор все же находит большое сходство в их интерпретации. В частности, основным критерием выделения этих понятий служит принцип затраты и освобождения энергии. Фрейд выводит различие между этими понятиями из представления об экономии психической энергии. Остроумие экономит психическую энергию за счёт того, что уменьшается необходимость тормозить свои побуждения и импульсы; остроумие – это отдушина для чувства враждебности, которое не может быть удовлетворено другим способом, а также для полового возбуждения.

Комическое – по Фрейду – отличается от остроумия тем, что оно неумышленно. Неловкое движение может быть комично, но не остроумно. Восприятие комического Фрейд сводит к такой последовательности: он поступает так – я поступаю по-другому – он поступает так, как и я поступал в детстве. Комизм экономит психическую энергию за счёт «экономии мышления».

Наконец, чувство юмора, позволяя увидеть смешную сторону неприятного явления, преобразует боль и гнев в улыбку и смех. Это экономия чувств. Юмор считается самым умеренным из всех видов комизма; его процесс осуществляется уже при наличии одного только человека; участие другого не прибавляет к нему ничего нового. Можно наслаждаться возникшим юмористическим удовольствием, не испытывая потребности рассказать о нем другому человеку. Таким образом, Фрейд отличал юмор, остроумие и комизм. Общее здесь – смех и экономия психической энергии: остроумие экономит торможение, комизм экономит мышление, юмор экономит чувства.

Фрейд, анализируя многочисленные остроты, предложил формальную классификацию, выделив три основных технических приёма словесных острот, которые могут быть отнесены к структуре языка смеха: *сгущение* (со смешанным словообразованием и с модификацией); *употребление одного и того же материала* (целое и части, перестановка, небольшая модификация, одни и те же слова, употреблённые в новом смысле и потерявшие первоначальный смысл); *двусмысленность* (обозначение имени собственного и вещи, метафорическое и вещественное значение слова, игра слов, двоякое толкование, двусмысленность с намёком). Также Фрейд выделяет остроты по смыслу (передвигание, ошибки мышления, бессмыслица, не прямое изображение, изображение при помощи противоположности).

Если техника остроты – это её форма, то содержанием остроты является её тенденция, которая в свою очередь подразделяется на безобидную остроту (острота как самоцель) и тенденциозную остроту. При безобидной остроте удовольствие вызывается

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

исключительно техникой остроумия, которая позволяет избежать логического контроля, что приводит к экономии нервной энергии. Приёмы остроумия направлены на то, чтобы логически верную мысль выразить логически неверным способом. Само понимание этого контраста доставляет удовольствие. Сами остроты могут не иметь никакой цели, в отличие от тенденциозности. Только тенденциозная острота подвержена опасности натолкнуться на людей, которые не хотят ее выслушать. При восприятии тенденциозной остроты к удовольствию от техники остроумия добавляется удовольствие от реализации обычно сдерживаемых сексуальных и агрессивных влечений при помощи остроумия, которое благодаря своим логическим приёмам, может избежать цензуры норм этичности. Едкая острота в адрес врага – это нечто вроде его символического убийства, поскольку уничтожить его в буквальном смысле нельзя из-за моральных преград или страха перед возмездием.

Смех является одним из показателей связи Я-Ты [2]. Это связь-коммуникация в философской антропологии. Без неё невозможно человеческое общение. А язык смеха не результат этой связи и не ее основа, а – всего лишь ее показатель, поскольку сам возникает на основе этой связи. Смех невозможен без некоторой открытости со стороны воспринимающего смешное. Такая открытость, или готовность к диалогу, характеризует связь Я-Ты (или, назовём её, *смеховой коммуникацией* в языке смеха), а значит и возможность для момента смеха вызванном чем-то комичным, смешным, остроумным. Смех – наилучшая награда за удачно рассказанную шутку или анекдот. На первый взгляд, кажется, будто комическое апеллирует к рассудку, используя общие логические схемы, делая «логические» выводы, однако при более подробном рассмотрении становится ясно, что смех от комического возникает не как рациональная реакция, а как реакция на раздражитель, рефлекторно. Смех – рефлекс, очень похожий на безусловный. Он иррационален и бессознателен. Однако не стоит путать смех с самим предметом смеха, который почти всегда предлагается вниманию воспринимающего совершенно осознанно. Источник смешного смеется только либо в предвкушении смеха воспринимающего, либо заражаясь его смехом. Если воспринимающий готов к смеху, то вызвать смех достаточно легко. У не готового же к смеху и смешному человека вызвать смех крайне трудно. Но случившийся смех остановить практически невозможно и он превращается в экстатическое состояние. В этом состоянии происходит внутренняя самостимуляция смеха. Человек забывается в смехе. Поэтому, рискнём назвать смех наркотиком, как его называли Ж. Делёз и М. Фуко. Смех, как и другие виды наркотических средств, осуществляет *защитную функцию* отгораживания от предъявляемой реальности. Это и подтверждает Зигмунд Фрейд, который одним из первых рассмотрел юмор в качестве защитного средства. «Защитные процессы, – пишет он, – являются психическими коррелятивами рефлекса бегства и преследуют цель: предупредить возникновение неудовольствия; при выполнении этой задачи они служат для душевной жизни автоматическим регулятором, который, в конце концов, оказывается, конечно, в чем-то ущербным для нас и должен, поэтому, подвергнуться подавлению со стороны сознательного мышления... Юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций» [3, с. 296].

Объясняя место шутки, каламбура в логике невротиков, Фрейд считал, что следующий за ними смех разряжает напряженность, созданную ограничениями со стороны общества. Такая разрядка вызывает чувство удовлетворенности, хотя бы и временное, у участников конфликта и способствует разрешению проблем. Положительная оценка шутника оказывается необходимым стимулятором пусть краткой, но весьма положительной активности. Умело и вовремя рассказанная история

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

выполняет и уже упомянутую защитную функцию. В любом случае рассказчик имеет реальную возможность разрядить напряженность в межличностных отношениях.

Межличностное сотрудничество в коммуникативных целях связано с взаимопомощью между людьми. Помимо сотрудничества, связанного с получением материальных выгод, существуют и другие его виды, например, сотрудничество, мотивированное потребностью в самоутверждении, а также в дружеской поддержке. На такие виды сотрудничества, на наш взгляд, юмор и смех воздействуют в качестве весьма эффективных связок. Юмор и смех, как правило, ведут к сублимации конфликта. Разумеется, сублимация – не решение конфликта, поэтому риск его эскалации остается. Но острота ситуации, несомненно, ослабевает [2].

Исходящая из источника комического некоторая фраза или демонстрация затрагивает в бессознательном воспринимающего соответствующую точку раздражения. Эта точка раздражения является некоторой нормой, усвоенной в процессе жизни в обществе, в процессе культурной жизни. Сама же фраза или демонстрация направлена на обострение этой нормы с помощью приемов остроумия (передвигания смысла, преувеличения и других). Смех вызывает наглядная явность несоответствия предлагаемой фразы или демонстрации нормы, которая в свою очередь вызывает естественную аффективную реакцию отторжения реальности, заключенной в предлагаемой фразе или демонстрации. Эта реакция – смех. Так осуществляется защитная функция смеха.

Для возникновения смеха необходимо, чтобы и у производителя и у воспринимающего было заложено в сознании нечто общее. Необходимо, чтобы и тот, и другой «настроились на одну волну», то есть, другими словами, чтобы состоялась связь-коммуникация Я-Ты (*смеховая коммуникация*), чтобы между двумя сторонами образовалось единое поле напряжения, должен образоваться непрерывный континуум сознания. Он влияет на бытие опосредованно – через сознание, а на сознание – непосредственно. В принципе можно сказать, что этот континуум и есть сознание с одной лишь оговоркой – сознание не исчерпывается этим континуумом, он, если так можно выразиться, элемент общественного сознания. Проверкой степени вхождения в непрерывный континуум сознания служит остроумие. В непрерывном континууме сознания существуют знаки, символы, язык (его идеальная часть, то есть то, что обозначается словами), смысл, идеи – одни для определенной общности людей. Он является основой понимания людьми друг друга, основой диалога. Непрерывный континуум сознания есть осуществление формы диалога Я-Ты. Каждая общность людей вырабатывает свой непрерывный континуум сознания. Именно на нем она и строится. Различие культур заключено в различии непрерывных континуумов сознания людей, принадлежащих к этим культурам. Именно поэтому, «многие комические вещи совершенно непередаваемы с одного языка на другой, потому что они тесно связаны с нравами и представлениями данного общества», данной культуры. Таковыми представлениями, в частности, являются и моральные нормы – этос. Человек всегда соответствует своему этосу, этосу своего сообщества, этосу культуры. Изменить это он не в силах. Все действия, производимые человеком, в процессе их произведения решают дилемму «дозволено – не дозволено». Совершая действие, человек показывает границы дозволенного для него, то есть, показывает пределы собственного этоса. Таким образом, действие – отражение этоса действующего. Следовательно, смех, произвольный вызываемый у других моими действиями, есть смех, вызываемый моим собственным этосом. Этот самый смех надо мной (над моим этосом) ставит меня вне этоса смеющихся (воспринимающего и производящего смешное). Таким образом, совместный смех объединяет смеющихся, а выступающий в качестве непринятой реальности предмет смеха отгораживается наркотическим свойством смеха [2].

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

Движущим смыслом философских воззрений Фрейда является язык и бессознательное, которое проявляется в языке смеха не в том смысле, что оно в нем выражается, а в том, что у них одинаковая структура, что они одинаково артикулируются и высказываются. Фрейд понимает язык как органическое целое, материей которого является буква, а формой – желание. Выразительным началом в этом случае служит не идея и не предполагаемый вещественный эквивалент слова, а сама буква или столкновение букв, которые образуют ту или иную рождающую образ конфигурацию. Язык смеха в состоянии мгновенного и полного симбиоза с желанием может дать реализацию желания (реальную или мнимую), завершающуюся несомненным удовольствием.

Ж. Бодрийар [1] также анализировал работу З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному» и внёс свои коррективы в понимание комического по Фрейду. Сущность комического он видит в «эффекте взрыва, короткого замыкания (Kurzschluss), столкновения отделенных друг от друга полей (фонем, слов, ролей, институтов), которые до тех пор имели смысл *только в силу своей отдельности* и которые *утрачивают* свой смысл в этом резком сближении и взаимообмене» [1, с. 374]. «Отмена в этот миг сверх-Я, отмена усилий, которыми приходится поддерживать дисциплину принципа реальности и рациональности смысла, означает не просто отмену вытесняющей инстанции в пользу инстанции вытесненной, но одновременное упразднение их обеих. Это и есть поэтическое начало остроумия и комизма, идущее дальше навязчивого воскресения фантазма и исполнения желания» [1, с. 374–375]. Кантовская интерпретация смеха Фрейдом ему кажется достаточно правдоподобной, так как, по его мнению, уничтожается «в ничто» в момент смеха и само бессознательное. Иначе говоря, где было нечто, не стало ничего – даже и бессознательного. Где была некая целесообразность (пусть и бессознательная), некая ценность (пусть и вытесненная), там больше нет ничего. «*Наслаждение – это кровоистечение ценности, распад кода, репрессивного логоса. В комическом оказывается снят моральный императив институциональных кодов (ситуаций, ролей, социальных персонажей) – в остроте оказывается уничтожен даже моральный императив самотождественности слов и субъекта. И все это – ни для чего. Не для того, чтобы «выразить» что-то «бессознательное»* [1, с. 375]. Остроумие и комическое Бодрийар включает в символический обмен, так как они связаны с символическим модусом наслаждения. Они символичны и подчеркнута общезначимы – это и есть «символическая отмена ценностей» [1, с. 379]. Через поэзию и остроумие, которые он рассматривает как части символического обмена, происходит символический обмен и устанавливается однотипное социальное отношение. «Только субъекты, отрешившиеся от своей идентичности подобно словам, достигают социальной взаимности в смехе и наслаждении» [Там же].

Острота или анекдот рассматриваются им как символическое имущество. Остроумие требует себе в ответ смеха, или же, в порядке взаимности, ответного анекдота. Анекдоты или остроты создают «сеть символического сообщничества» и отвечают «символической обязанности». Любой человек, контактируя с другими, как правило, стремится сохранить свой образ, поддержать свой престиж. Признание последнего со стороны других лиц является такой потребностью, которая стимулирует активность поведения. Рассказчик анекдотов никогда не довольствуется самим рассказом. Признание компании, если, конечно, оно состоится, приносит рассказчику несравнимое ни с чем удовлетворение. Поэтому «держать про себя анекдот и никому его не рассказывать – абсурдно, а не смеяться над ним – оскорбительно, но и засмеяться первым над рассказанным тобой анекдотом – тоже по-своему нарушает символические законы обмена», считает Ж. Бодрийар [1, с. 379, 380]. Таким образом,

ПРИКЛАДНІ АСПЕКТИ ФІЛОСОФІЇ СПІЛКУВАННЯ

Фрейд, следуя логике экономической интерпретации, допускает, будто рассказчик анекдота оттого не смеется первым, что для инициативы остроумия требуется определенная психическая затрата, то есть не остается свободного излишка для удовольствия.

Интересно, что Фрейд связал психологические процессы остроумия с областью бессознательного, а процессы извлечения комического удовольствия – с «осознанным из предсознательного», то есть с сознанием. Бодрийар же объединил и включил эти процессы в символический обмен, подразумевая, что бессознательное уничтожается в момент смеха. Особенно важным для нас является то, что оба философа, исходя из логики их рассуждений, рассматривали остроумие, комизм, а вместе с этим и, как результат, смех, как неотъемлемые части философской и психологической категории. А момент получения удовольствия от остроты, комического, юмора и иронии основано на столкновении одновременно сосуществующих двух способов представлений: экономического (принцип затраты и освобождения энергии, экономия психической энергии) и психологического (на предсознательном и бессознательном уровнях). Из контекста можно заключить, что эти два способа взаимосвязаны и обогащают смысл понимания языка смеха в философской антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийар ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.
2. Троицкий С. А. Прологомены к возможной теории смеха / С. А. Троицкий // Философия XX века: школы и концепции : материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь» : науч. конф. к 60-летию филос. фак. Санкт-Петерб. гос. ун-та, 21 нояб. 2000 г. [Электронный ресурс]. — СПб., 2001. — С. 271–276. — Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/troitsky_sa/phillife2000_099.html. — Загл. с экрана.
3. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд ; пер. с нем. и коммент. Я. Коган. — СПб. : Алетейя, 1998. — 309 с.
4. Фрейд З. Я и ОНО: труды разных лет / З. Фрейд ; сост. А. Григорашвили. — Тбилиси : Мерани, 1991. — Кн. 2. — 427 с.

Korobka G. A. The Language of Laughter in the Concept of Unconscious.

УДК 159

Кострикін О. В.

ПСИХОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ КЕРІВНИЦТВА

Розглянуто психологічні особливості та проблеми управлінської діяльності. Проаналізовано основні стилі керівництва. Показано роль делегування повноважень як ефективної управлінської технології.

Ключові слова: філософія управління, психологія управління, керівник, підлеглі, стилі керівництва, делегування повноважень.